

УДК 235.3

Л. И. Шевченко
М. А. Филимонова

Византийская агиография о монашеском подвиге в контексте реальной и художественной правды

В статье анализируется тема монашеского подвига с позиций современных методов изучения византийской агиографии. Авторы приходят к выводу о том, что в образах житийной литературы отмечается индивидуальная специфика и отсутствие исторической достоверности в большинстве излагаемых фактов.

Ключевые слова: византийская агиография, монашеский подвиг, историческая реальность, психологизм характеров.

Отечественные византилисты единодушно отмечают необычный для нашей страны рост интереса к агиографии, особенно проявившийся в последнюю четверть XX века, и уже без малого двадцать лет с начала XXI столетия продолжающийся с неизменным успехом. Многие исследователи даже называют этот процесс своеобразным «агиографическим бумом».

Тема монашеского подвига и спасения в миру неоспоримо является главенствующей на всех этапах развития агиографии. В этом главная причина обращения к агиографическим сюжетам как читателей, представляющих закрытые христианские общины, которым непосредственно адресуют свои произведения авторы житий, т.е. монастырской братии и церковной пастве, так и тех, кто изучает эти повествования и пытается восстановить на материале житийной литературы исторические реалии, быт и культуру византийского народа. В отличие от прошлых веков, в наше время общецерковный характер чтения житий уступает место частному, исследовательскому интересу учёных. При небывалом, повсеместно отмеченном исследователями росте научных работ по самым разным вопросам византистики в наши дни, интерес читательской аудитории к житийной литературе значительно упал. Существенно изменился характер научного подхода к изучению византийской агиографии. В центре внимания исследователей находится изучение быта,

повседневной жизни представителей византийского общества, его различных слоёв, преимущественно представляющих малочисленные, «маргинальные» группы и меньшинства, образы святых юродивых и даже «монахинь-трансвеститов». Анализируя в одном журналистском интервью (2014 г.) основные направления в области отечественной и зарубежной византистики, доктор исторических наук, профессор С.А. Иванов, автор и соавтор ряда оригинальных исследований житийной литературы, сказал о том, что в современном византиноведении занимаются всем, что модно в других гуманитарных сферах, например, гендерными исследованиями и что в этом нет ничего плохого [1]. На основании житийных памятников и в первую очередь житий юродивых представитель более молодого поколения отечественной византистики О.А. Родионов в своей кандидатской диссертации предлагает изучать даже такую малоисследованную и практически нигде не отражённую сферу жизни византийца как секс [2]. Думается, что усиленная тенденция интереса к такого рода вопросам не только дань моде, повсеместно проявляющей себя в различных сферах гуманитарных наук, но также результат запрета на подобные темы, долгие годы господствовавшего в нашей науке. Как бы то ни было, следует напомнить о том, что эти авторы в своих работах (например, С.А. Иванов в эпатажной лекции под заголовком «Эрот под рясой») акцентируют совершенно другие приоритеты: «Для Византии прежде всего важна духовная любовь, любовь к Богу» [3]. В связи с этим не лишним будет вспомнить слова святителя Димитрия Ростовского о гражданских подвигах, совершаемых юродивыми Христа ради из любви к ближним: «подвиг юродства требовал от святых подвижников и высокой мудрости, чтобы бесславие свое обращать в славу Божию и в назидание ближним, не допуская в смешном ничего греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других» [4, с. 55].

В пределах указанного периода времени также изменилось прежнее жанровое определение агиографии и её предназначения. Её стали рассматривать скорее как жанровую разновидность литературы. С одной стороны, эти жития изучаются как текст, литературное явление со всеми своими жанровыми характеристиками, с другой стороны, за агиографией уже достаточно повсеместно признают традиционную роль современных СМИ. При этом их функции трактуются как «однозначные и сводимые к необходимости опос-

редовать отношения массового сознания с реальностью. Так, автор многочисленных трудов по критической агиографии епископ Григорий (В.М. Лурье) пишет о том, что агиографические документы «живут внутри культа, а культ живёт внутри церковной жизни именно сегодняшнего дня. Поэтому и агиографические документы всегда обладают «злободневным» содержанием, то есть актуальностью «здесь и сейчас» для той ситуации, которая вызвала их к жизни» [5, с. 54]. Сопоставление житийной литературы, которую отделяют от сегодняшнего дня века, со средствами массовой информации и с другими ассоциациями современной массовой культурой (в данном контексте можно продолжить сравнения житий с телевизионной мелодрамой и даже «мыльной оперой») вряд ли продуктивны и, согласно замечанию в интернет-публикации книги «Жизнь византийских святых эпохи иконоборчества», именно поэтому жития теперь никто не читает: «Кому, кроме историков, интересны СМИ, сообщающие несвежие новости со старой идеологией?» [6].

Как можно заключить из вышесказанного, процесс исследования житийной литературы порождает противоречивые научные теории и сопряжён с многочисленными дискуссионными вопросами. Общепризнанный специалист в области византийской литературы, С. В. Полякова, блестящий переводчик памятников византийской художественной прозы и перевода житий византийских святых, в книге, не утратившей своей познавательно-художественной ценности, названной в угоду доперестроечному времени «Византийскими легендами», отмечает чрезвычайную сложность исследовательского процесса агиографии: «...несмотря на наличие множества исследований, касающихся частных вопросов, агиография продолжает оставаться неисследованной областью, продвигаться по которой крайне трудно» [7, с. 215].

Предпринятый нами сопоставительный анализ двух ключевых исследований XX века по византийской агиографии, отстоящих друг от друга в полстолетия – упомянутого труда С.В. Поляковой и книги А.П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» [8], свидетельствует о непримиримых противоречиях в трактовке одного из важнейших для обоих исследователей вопроса об авторитетности и достоверности сообщаемых авторами житийсвидетельств. Если А.П. Рудаков, освещая самые различные аспекты культурного наследия византийского народа: городской быт, народонаселение Империи, византийскую деревню

и положение византийской провинции, приходит к убедительным с исторической точки зрения выводам, то автором первой работы с безупречной аргументированностью демонстрируется антидоверительность реальных, исторических и бытовых фактов из жизни византийских святых и утверждается «ограниченная пригодность» житийной литературы в качестве исторического источника [7, с. 257].

Не возникает сомнений в том, что при описании аскетической жизни и свершаемых монахами подвижнических деяний, а также эпизодов спасения мирян и их прихода к христианской вере, авторы житийной литературы включают в своё повествование различные бытовые, политические и культурно-исторические реалии. Читателю или слушателю представлены различные виды одежды, которую использовали монахи или простые миряне (стихарь, фелонь, стола, мафорий), упоминаются различные по стоимости византийские монеты (золотая – номисма, серебряная – кератий, мелкая медная монета – фоль), агиографы перечисляют названия должностей высокопоставленных чиновников и мелких служащих, среди которых синкелл (пресвитер), спафарий, анфилакт, викарий, парикей, куникулерий, телетарх, протопомит, пара(прос)монарий, нотарий, эпарх, чтец, асикрит, архонт, логофед, дрома и так далее. Совершая свои монашеские подвиги или мирские деяния на пути служения Церкви и Богу, герои житий посещают различные храмы и монастыри или находят приют в их гостиничных пристроях. Это мужской и женский Тавенниский монастыри в Египте, известные своим особенно строгим уставом, Хора – один из древнейших и значительнейших монастырей Константинополя, вновь отстроенный после землетрясения императором Юстинианом, Константинопольский храм богородицы Одигитрии Одигис, нигде более не упомянутый храм Плифрон и некоторые другие. Самым богатым, пожалуй, окажется список имен римских и византийских императоров, патриархов и других крупнейших представителей официальной власти, деятельность которых так или иначе пересекается с жизнью и подвижническими деяниями святых монахов и простых мирян на пути их борьбы за веру или служения Господу. Из важнейших политико-религиозных событий, так или иначе затрагивающих судьбы монахов, особое внимание в текстах житийной литературы уделяется проблемам иконоборчества.

В то же время, при внешней объективности и достоверности описываемых в житиях деяний монахов и мирян, агиографы допускают

искажение действительных фактов и исторические неточности. Уже А.П. Рудаков предпринял попытку разделить жития на «современные» или близкие к жизни святого (по времени их создания и значимости отраженных в них фактов истории), и значительно более поздние, информативная ценность которых была менее значительна [8, 52 сл.]. Такого рода ошибки, отмеченные также С.В. Поляковой, имели самый разнообразный характер, например, при датировке описываемых событий, как это случилось с определением дня памяти святого великомученика Игнатия Богоносца, которая исторически зафиксирована 20 декабря, а не 19-го, как указывается в житии святого отца Михаила [7, с. 291, примечание 87]. Примером более серьезной, возможно, сознательно допущенной ошибки является эпизод из первой легенды о Чудотворных иконах, в котором речь идёт о трёх патриархах (Иове Александрийском, Христофоре Антиохийском и Василии Иерусалимском), которые «вместе с многочисленным собором своих епископов и тремя тысячами монахов» составили и написали послание императору иконоборцу Феофилу по поводу призыва к иконопочитанию. Действительно, речь идёт о соборе, состоявшемся по инициативе указанных патриархов в апреле 836-го года в Иерусалиме, но число присутствовавших на нём монахов было значительно меньше, всего 1153 человека [7, с. 293, примечание 1]. Ещё один ошибочный случай восходит к «Житию и деяниям человека божия Алексия», где фигурирует архиепископ Маркиан, под которым, как свидетельствует контекст, подразумевается папа римский, но папа с таким именем в Риме того времени, как отмечает С. В. Полякова, не зафиксирован [7, с. 293, примечание 16].

Жития византийских святых принято делить, подобно образцам античной повествовательной прозы, на два направления – «народные», отличающиеся простотой языка и приверженностью к бытовой конкретике, и «литературные», тяготеющие к более сложному, книжному стилю, абстрагировавшиеся от изображения бытовых реалий. К первому, «народному» стилю обычно относят Жития Иоанна Милостивого и Симеона Юродивого, составленные Леонтием Кипрским. Ко второму, более позднему, адресуют написанные в отвлеченно-риторическом стиле Симеоном Метафрастом, который отредактировал 148 житий, среди которых Житие Богородицы, Николая, епископа МирЛикийских, Диониса Ареопагита.

В процессе становления повествовательного стиля житийной литературы вырабатывается особый сюжетный шаблон, отмечен-

ный практически всеми исследователями, согласно которому жития включают вступительную и заключительную части. Как правило, за редкими исключениями, вступление представляет собой пояснительные слова автора жития, который был участником или свидетелем описываемых событий, близким родственником мученика, житие которого излагается, или получил информацию от его ближайшего окружения. Основная вступительная часть повествования состоит из сведений о родителях и рождении святого. Обычно он либо поздний, либо единственный ребенок, чье рождение чудесным образом предвещается, оговаривается обучение различным наукам, в которых он преуспевает. Оставшееся после смерти родителей или нажитое собственным честным трудом имущество раздается бедным и нищим, важную часть рассказа занимают искушения от злых демонов и прочих сил, в том числе со стороны представителей власти и религиозно-политических врагов. Благая смерть мученика обычно предвещается божественным образом и в заключении демонстрируются посмертные чудеса святого.

О спасении в миру жития повествуют преимущественно на примерах жизни простых мирян, мужчин и женщин, жизнь которых протекала без веры или вообще в грехе (разбой, воровство, блуд и прочее). Они, как правило, обращаются к божественной вере по разным поводам, мотивированным или немотивированным. Совершив мученические жертвы и пройдя тяжелейшие испытания, эти люди удостоиваются благостной смерти и даже святости.

Наряду с утверждением трафаретности мотивов и наличия сюжетного шаблона в житийной литературе, в научных исследованиях как отечественных, так и зарубежных, прочно укрепилось мнение о том, что авторов житий совершенно не интересует изображение внутреннего мира и индивидуальных особенностей описываемых персонажей этих повествований. Не отвергая в целом эту точку зрения, мы позволим себе сослаться на чрезвычайно показательные примеры противоположного характера, о которых не умолчали даже самые активные сторонники высказанного мнения. Психологическая проработка характера персонажа достигается, как правило, дополнительным акцентированием незначительных деталей или лексики, не всегда уловимом при беглом чтении. Так, С.В. Полякова особо выделяет эпизод из «Духовного луга» Мосха (№185), когда в руки человека, не имеющего торгового опыта, случайно попадает красивый камень и он пытается продать его мянеле.

Не будучи уверенным в подлинной стоимости находки и опасаясь продешевить, этот человек называет его уменьшительно-ласкательным словом «камушек» [7, с. 261]. Второй эпизод эта исследовательница заимствует из «Жития Марии Египетской», где на ум бывшей блудницы в первые годы её пустынножителства постоянно приходят непристойные песенки, и, наконец, представленные в «Житии аввы Даниила» (№9) взаимоотношения святого с учеником, складывающиеся на основе психологической правды [7, с. 94, с.185].

К перечисленным примерам примыкают, может быть, менее показательные, но также психологически обоснованные и при этом весьма многочисленные примеры, которые в пределах излагаемой статьи проанализировать не представляется возможным. Примечательно, что такого рода эпизоды характерны для обоих типов повествования, как «народных», так и книжных. Прежде всего это изображение субъективных ощущений и состояний. Так, авторами житий неоднократно описываются случаи психологических потрясений, которые испытывают некоторые герои житий. Таковы «искони православный» старец Зосима в «Житии Марии Египетской» и, напротив, отрекающийся от Христа и христианской веры, персонаж «Жития Марии Антиохийской» Анфимий. Оба они, в момент величайшего психологического напряжения, одинаково реагируют на потрясение: Зосима, встретившись в египетской пустыне с Марией, вспотел, Анфимий, испытывая страх и смятение в момент письменного отречения от веры, согласно собственному признанию, «весь, с головы до ногтей на ногах, покрылся испариной». Подкупленный клеветниками епарх в «Жизни и деяниях святого отца Николая» Симеона Метафраста опасаясь, что ему придётся вернуть нечестиво полученное золото, так как он не исполнил обещанного, «идёт к императору с мрачным лицом и печальным взглядом», но вместе с тем показывает своё попечение о жизни императора, любви и преданности к нему. В «Повести о житии и деяниях Филарета Милостивого» его внучка Мария, столкнувшись с высокомерием и наглостью дочери стратилата Геронтиана, «смутилась и молчала, но в уме своём призывала старца молиться за успех и удачу». Характеризуя Феодота, иерарха императора Льва Армянина, злобного противника иконоборчества, не признающего седьмой Вселенский собор, автор «Жизни, деяний и подвигов святого отца Михаила» замечает, что тот, узнав о признании собора и принятии его постановлений, «стал скрежетать зубами».

Особенно заметным примером глубокого психологизма повествования служит трогательное прощание братьев по скитаниям Симеона и Иоанна в житии «Жизнь и деяния аввы Симеона»: «Иоанн отпустил Симеона, далеко проводив его, ибо душа его не могла сносить разлуку с братом, но когда авва Симеон говорил ему: «Вернись, брат», эти слова были ему как меч острый, и снова просил позволения ещё немного проводить Симеона. Только когда Симеон приказал Иоанну, тот повернул назад восвояси, орошая землю слезами». Думается, что этот эпизод вправе украсить любой психологический пассаж современной литературы, как и фрагмент из жития святого отца Михаила, в котором в ответ на уговоры епарха иконоборца один только раз отказаться от поклонения иконе мученик Христов Феодор сказал: «Епарх, ты говоришь подобно человеку, уговаривающему другого так: «Я не прошу тебя ни о чём, только дай отрубить себе голову и ступай, куда хочешь». В этом, совершенно по-современному звучащем ответе сконцентрированы все задачи, поставленные перед собой византийским агиографом – психологическое преимущество мученика над врагом православной веры, его непоколебимая стойкость и уверенность в правоте своего дела, а также ироническая насмешка над теми, кто от этого отрекся.

Приведенные примеры явно свидетельствуют о том, что так резко отвергать наличие индивидуальной специфики в изображении психологического поведения персонажей житийной литературы не следует и напрашивается мысль о признании присущих авторам этого жанра литературы оригинальности и своеобразия повествовательной манеры. В этом, как нам представляется, и заключается ответ на вопрос, почему столько веков она является «излюбленным чтением всех, кто был умудрён грамоте, начиная от самодержца и кончая простолюдином».

Литература

1. Иванов, С.А. О комплексе неполноценности, наследниках Византии и уплощении образования. Татьяна Кучинко. Сергей Иванов. 22 января 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/professor-sergeji-ivanov/> (дата обращения 30.03.2019).
2. Родионов, О.А. Византийские жития святых-исихастов и древнерусская агиография конца XI – начала XV в.: характер и истоки параллелизма : автореф. дис.... истор. наук [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/vizantiyskie-zhitiya-svyathich> (дата доступа 31.03.2019).
3. Иванов, С.А. Эрот под рясой. Троицкий вариант. Страницы истории [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://tru-science.ru/20> (дата обращения 31.03.2019).

4. Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Месяц октябрь. – М., 1997. – 642с.
5. Лурье, В.М. Введение в критическую агиографию. – СПб.:Аксиома, 2009. – 238 с.
6. Жизнь византийских святых эпохи иконоборчества. Т.1[Электронный ресурс]/общ.ред. Т.А. Сенина. – Режим доступа: <https://yandex.ru> https://www.ereading.club...php...svyatyh._epohi_ikonoborchestva (дата обращения 01.04.2019).
7. Византийские легенды / сост. С.В. Полякова. – Ленинград : Наука, 1972. – 302с.
8. Рудаков, А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб., 1997.– 295с.

L. Shevchenko, M. Filimonova

Byzantine Hagiography about Monastic Feat in the Context of Real Truth and the Truth of Art.

The article is devoted to monastic feat from the point of view of up-to-date methods of Byzantine hagiography studies. The authors come to the conclusion that individual specific character is present and historical authenticity is absent in the majority of the facts represented in hagiography.

Key words: Byzantine hagiography, monastic feat, historical authenticity, personality psychologism.

References

1. Ivanov, S.A. О комплексе неполноценности, наследниках Византии и уплощения образования. [About interiority complex, Byzantine Empire heirs and education platitude. T. Kuchinko, S.Ivanov. 22.01.2014] [Electronic resource] Mode of access: <https://www.pravmir.ru/professor-sergeji-ivanov> (date of access 30.03.2019)
2. Rodionov, O.A, Vizantiiskie zhitiia sviatykh-isikhastov i drevnerusskaia agiografiia kontsa XI – nachala XV v: kharakter i istoki parallelizma [Byzantine Lives of Saints – hesychasts and Old Russian hagiography e.XIV – I.XV c.: parallelism character and sources]. Abstract of thesisHistoricalScience. [Electronic resource]. Mode of access:<http://cheloveknauka.com/vizantiyskie-zhitiya-svyatich> (date of access 31.03.2019)
3. Ivanov, S.A. Erot pod riasoi. Troitskii variant. Stranitsy istorii [Eroth under cassock. Troitsk variant. History pages 03.06.2014][Electronic resource]. Mode of access:<http://truscience.ru/20>(date of access 31.03.2019)
4. Zhitiia sviatykh sviatitelia Dimitriia Rostovskogo [Prelate Dimitry of Rostov' s Lives of Saints]. October. Borovsk- Saint -Paphnuty monastery. M.: 1902; M.: 1997 (reprint). 642p.
5. Lurje, В.М. Vvedenie v kriticheskuiu agiografiu [Introduction in critical hagiography] / В. М. Lurje. SPb.: Aksioma, 2009. SPZhib.,2009. 238p., ill.
6. Zhizn vizantiiskikh sviatykh epokhi ikonoborchestva. T. 1 [Lives of Byzantine Saints of iconoclastic epoch. V.1] / Edited by Senina T.A. (nun Kassia). [Electronic resource] Mode of access: https://www.ereading.club...php...svyatyh._epohi_ikonoborchestva (date of access 01.04.2019).
7. Vizantiiskie legendy [Byzantine legends] /Comp. by S.V.Polyakova. Leningrad.: 1972. 304p.
8. Rudakov, A.P. Ocherki vizantiiskoi kultury po dannym grecheskoi agiografii [Studies in Byzantine culture according to Greek hagiography] / A. P. Rudakov -SPb.: 1997.295p.